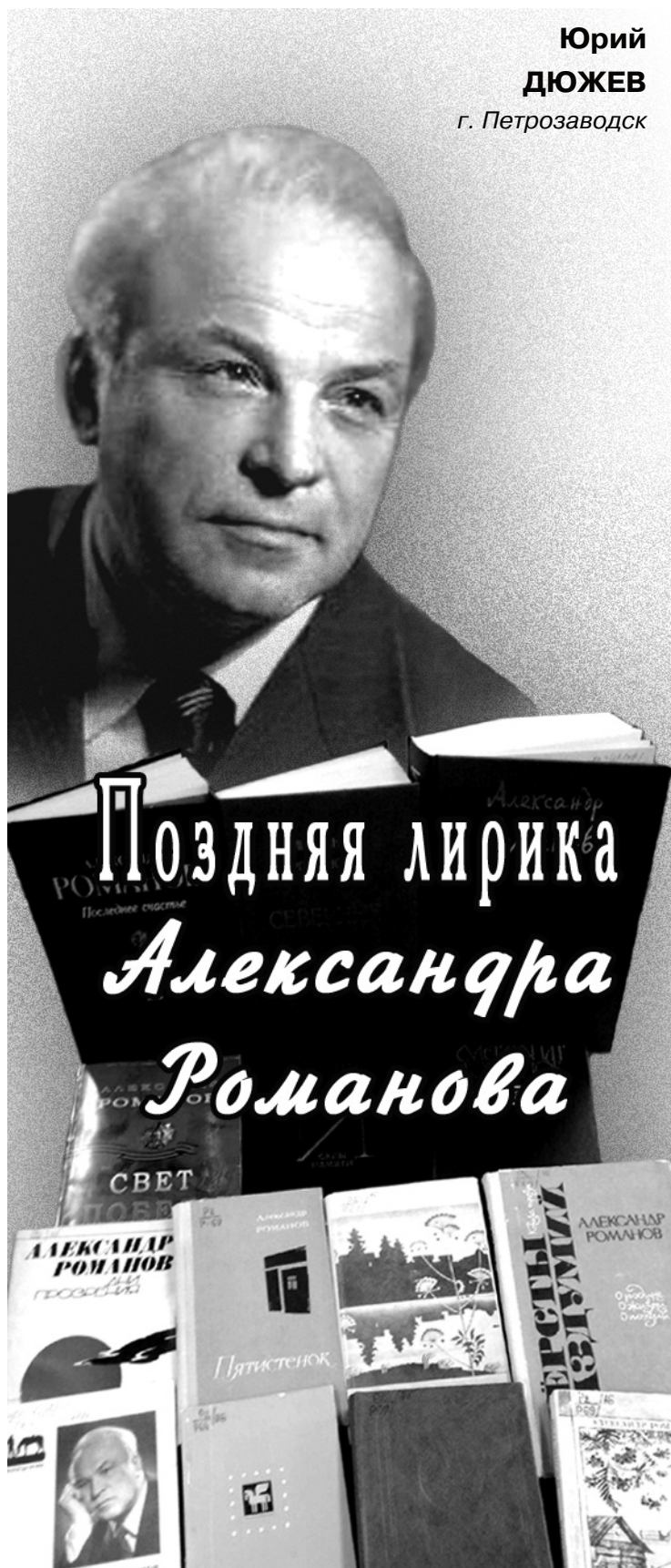

**Юрий
ДЮЖЕВ**
г. Петрозаводск

Руководивший одиннадцать лет Вологодским писательским объединением поэт Александр Романов (1930–1999) выделялся среди поколения «детей войны» полемической цельностью, с которой он отстаивал право искать путь познания народа в его истории. Родившийся в семье учителя в деревне Петряево, в ста километрах от Вологды, он после окончания Вологодского педагогического института занимался журналистской работой, учился на Высших литературных курсах в Москве. К своему пятидесятилетию А.Романов успел выпустить пятнадцать поэтических сборников и заслужил в глазах читателей имидж человека, болеющего за отчужденную землю, за её прошлое и будущее, выступающего против нравственного и духовного опустошения личности и всего народа, против реальной угрозы утраты патриотизма. «И растеряли мы исторические заслуги предков, и распушили свои родословия, потому что ослепли от марксистского обмана и наущения, – писал он в 1990-е годы. – Где памятники былой русской славы и красоты? Где священные места национальной гордости и скорби? Они взорваны и залиты асфальтом! Ибо в безлюбии мы готовы отречься от самих себя»¹. Такое отношение А.Романова к истории отчей земли было схоже с позицией А.Хомякова, писавшего сто лет назад, что «всё настоящее имеет свои корни в старине» и «нужна поэзия, чтобы узнать историю»².

Для выпущенного тиражом в 25000 экземпляров в серии «Книжная полка подростка» сборника стихов «Чтобы стать собою» (Архангельск, 1981) А.Романов отобрал стихи, которые бы помогли молодёжи понять национальное своеобразие и величие России, – ведь именно в национальной идее «горит воля к жизнеустройству и копится энергия для самовозрождения»³.

*Родина – одно на свете чудо.
Было так всегда и будет впредь.
Лишь она и светит, и врачует,
Чтоб до смерти сердцем не скудеть*⁴.

А.Романов писал о бессмертии добра и совести, трудолюбия и мужества, человеческой стойкости и милосердия. Такая поэзия внушала юным читателям веру в жизнь, воспитывала патриотизм. Написанные в разные годы и вошедшие в книгу стихотворения были основаны на нравственных правилах и категориях морали, выработанных вековыми традициями.

Объяснение такой преданности раз и навсегда выбранной теме следует искать в историческом, социальном окружении А.Романова и его сверстников. «Многим из нас, вышедшим из деревень, здорово повезло: с самого дня рождения наши зыбки окунулись в народную речь, как в животворную купель, –

вспоминал А.Романов. – В детскую память и душу просторно ложился язык слышимый, вольготный, со всей своей музыкой и образной выразительностью. Слух деревенского детства еще не осознанно, но уже празднично долетал до корневых глубин родного слова, до тех сокровенных завязей, которые звучали во времена, может, раннего славянства»⁵.

Сверстники А.Романова вместе с ним входили в литературу в 1950-е годы, когда во всём мире подавляющее большинство населения любого общества были крестьяне. В своём 12-томном труде «Постижение истории» (1934–1961) крупнейший британский историк XX столетия Арнольд Джозеф Тойнби упоминал, что в 1952 году крестьянство составляло три четверти всего ныне живущего населения. Это большинство, писал он, жило «не по законам Истории, а в ритмах Природы» и оставалось «самым несчастным братом тех примитивных обществ, которые цивилизация еще просто не успела поглотить. В крестьянском сознании правительство всегда было таким же неизбежным и безжалостным бичом, как, например, война, чума или голод»⁶.

Эта мировая тенденция «поглощения цивилизацией» крестьянства неизбежно коснулась и России. Она началась с некоторым запозданием по сравнению с Западом, поскольку через создание колхозов, отказ в выдаче паспортов на выезд в города правительству на четверть века удалось законсервировать жителей деревни в их сельских границах. Тем драматичней стал грянувший после смерти Сталина и с каждым десятилетием нараставший в своей энергии процесс обескровливания деревень, откуда после снятия административных препон начался массовый исток молодёжи. Обрушение «деревенского мира» для А.Романова и его сверстников было катастрофой, что не могло не отразиться в их творчестве.

О поведении общества любой страны мира, оказавшейся перед лицом надвигающейся катастрофы, П.А.Сорокин писал в книге «Modern Historical Social Philosophies» (New York, 1963, p.8): «В обычные времена размышления о человеческой судьбе, о данном обществе являются, как правило, делом крохотной группы мыслителей и ученых. Но во времена серьезных испытаний эти вопросы внезапно приобретают исключительную, не только теоретическую, но и практическую важность; они волнуют всех – и мыслителей, и простонародье. Огромная часть населения чувствует себя оторванной от почвы, обескровленной, изуродованной и раздавленной кризисом. Полностью теряется привычный ритм жизни, рушатся привычные средства самозащиты... В такие времена даже самый заурядный человек с улицы... вынужден обдумывать навязываемые кризисом вопросы»⁷.

Даже выбор названия для вышедшей в изда-

тельстве «Современник» очередной книги А.Романова «Красные тучи» (М., 1982) говорил о высоком уровне тревожности автора. Красный – это цвет крови, а её, как и слёз, много было пролито крестьянами Северной Руси. И хотя автор в стихотворении «Красные тучи» пытался ограничить этот образ «красными тучами рябин», подсознательно он имел в виду гораздо большее: вековую жизнь русских крестьян под угрозой занесенного над ними «неизбежного и безжалостного бича».

Отсюда рождается авторское отношение к русскому крестьянству, живущему «не по законам Истории, а в ритмах Природы». В этом сложном чувстве есть любовь и сострадание, восхищение добротой, милосердием, светлым от рождения умом своих героев. Над всеми этими переживаниями довлеет всепоглощающее чувство любви к матери и отцу, к родной деревне и вологодскому краю, к любимой России, которая «и светит, и врачует».

По своей композиции книга «Красные тучи» представляет собой постепенное «вхождение» читателя в любимый автором деревенский мир. Уже поставленное в начале книги стихотворение «Здравствуйте!» обещает встречу с людьми, которые готовы от доброты душевной пожелать здоровья и долгих лет каждому встречному. «Всегда здесь слово «Здравствуйте» / овеяно теплом», – с гордостью за земляков заявляет автор и далее приглашает в своеобразное путешествие по родному краю.

Куст деревень, которые предстоит посетить, – это в восприятии влюбленного в малую родину лирического героя – сказочный край, где «жить и жить бы без тревоги, / с тишиной наедине»:

Крыши в теплой позолоте,
Дух коровий по дворам.
Словно лебеди на взлете,
В избах крестовины рам.
Сорок окон рассветают,
Значит, сорок лебедей
Никуда не улетают,
А живут среди людей...⁸

Эта словно пришедшая из пушкинских сказок желанная страна добрых и славных людей тем более дорога автору, что в ней он провел детство под покровом материнской любви. Здесь мать бережно укрывала его на ночь теплым одеялом, словно покровом Богородицы; это здесь открылась перед мальчиком «первозданность мира» («Материнское одеяло»).

Не без душевного трепета лирический герой стихотворения «Отогреваем дом» приглашает читателей войти в старинный русский дом, охолодевший

после долгой зимы, наполнить печки дровами и почувствовать, с какой радостью дом встречает гостей: «И печи загудели, / и вздрогнул мертвый дом». Тут же общее внимание переключается на типичный для каждой деревенской семьи самодельный стенд с семейными фотографиями, где «возникли смутно лица» суровых, бородатых солдат и мужиков: «Ни имени, ни даты – / как вечные глядят».

Эта краткая, как будто бы ничего не значащая реплика на самом деле поднимает серьезную проблему об отношении крестьянства с историей и объясняет позицию В.Белова, А.Романова, О.Фокиной в создании художественной летописи своего края. «По сути дела, для трех четвертей населения нашей планеты и сейчас, т.е. в 1952 году, История не существует, – писал цитируемый выше А.Дж. Тойнби. – Крестьянству, как известно, история всегда представляется ничего не значащей сказкой, несмотря на всю её поучительность и основательность»⁹. Ученый объяснял такой факт тем, что крестьянство, втянутое в цивилизацию, чтобы материально обеспечить привилегированное меньшинство, не имело вдохновения и желания существовать по законам Истории, а предпочитало жить «в ритмах Природы».

Эта общемировая ситуация была ужесточена в послереволюционной России, где крестьянство непрерывно подвергалось репрессиям и воздействию сменяющих друг друга постановлений и законов. В итоге в большинстве своем не сохранилось ни писем, ни дневников, ни других сведений о жизни вышедших из крестьян дедов и прадедов современных россиян, остались только безымянные фотографии в брошенных хозяевами деревенских избах.

Размышляя об этом, А.Романов вспоминает, как «память свою раздвигали» в личных воспоминаниях о былом родные и близкие, но он не записывал эти свидетельства, по молодости полагая, что успеет, да не успел, и оттого «сжигает полыннюю сушь / меня у родимых могил» («Память»). Боль за утраченные контакты с погибшим на войне отцом, за невозможность передачи реальной, а не выдуманной Истории в личных беседах с ним звучит в стихотворении «Несказанные слова»:

*И все ответы, все слова,
Отцом не сказанные мне,
Лишь шепчет скорбная трава,
И то – в далекой стороне... (с.38)*

Отсюда – огромное желание вошедших в поэзию уроженцев деревни, названных обществом «детьми войны», запечатлеть исчезающий на их глазах когда-то огромный материк крестьянской жизни, успеть воссоздать его в живописных деталях, воспитать

чувство Истории в своих детях, внуках и правнуках.

Стихотворение «Народный музей» развивает эту тему на примере созданного на Вологодчине усилиями Н.М.Паустова этнографического собрания крестьянского быта. Разглядывая собранные энтузиастом резные прялки, лапти, дуги, пояса и прочие принадлежности повседневной жизни предков, А.Романов благодарит собирателя за создание народного музея и в то же время признает локальную значимость этих вещей. Они лишь частично отражают драматическую Историю русского крестьянства, ибо за прошедшие десятилетия:

*Всё, что тяжко, – потонуло,
Что не понято, – ушло.
Лишь плывет высоким гулом
Что насущо и светло (с.11).*

А.Романов счастлив «светло» вспомнить в стихотворении «Иконописец-вологжанин...» безымянного создателя иконописных образов, но с сожалением вынужден признать, что история творческого подвига художника для некоторых людей и сегодня «представляется ничего не значащей сказкой». В итоге один из них, «томясь корыстью скудоумной, / сорвал икону и исчез». Заканчивается стихотворение описанием «заполненных глаз» древнего лика: «Они как будто вопрошали: / «– Се человек?»...О, человек!»

Беспамятство нынешней молодёжи больно затрагивает душу поэта, и в стихотворениях «Блудный сын», «Ничей», «Гармонь», «Изба» и других он резко осуждает тех, кто из-за «помраченья души и рассудка» бежал из деревни, у кого «родительская завязь / разорвана в душе», кто «в дни наездов торопливых / в избе смеется над избой». Своими стихами А.Романов надеялся дать импульс читателям к изучению русской Истории, чтобы они почувствовали интерес к прошлому, чтобы не угасла в памяти народной, а «зацвела, заговорила и запела старина». По-своему иконописны портреты старожил северной деревни из стихотворений А.Романова «Старик», «Совість», «В гостях на Сукманице». Старики с честью пережили выпавшие на их долю испытания, но не постарели душой. «Да, всё бывало на Руси», – размышляет поэт о судьбе отчизны и словно наяву видит перед собой «лица обеспокоенных мужей», отражавших «врагов набеги» и сотни лет назад, и в поединках «не столь далеких, грозных лет»:

*Какие были потрясения!
А что там, что там – впереди?
Всем существом – веками всеми –
Ты, русский человек, гляди¹⁰.*

Деревенская «старина» для А.Романова – это последний островок живой крестьянской цивилизации, хранилище духа исторических событий и исторических характеров Руси. Стихи поэта об этом заповеднике корневой русской жизни помогают воссоздать историческое сознание. Будучи своего рода излучателями полученных поэтом впечатлений в отчих краях, они восстанавливают нарушенную непрерывную цепь традиции.

В своём стремлении раскрыть мир души русского человека, гражданина и патриота А.Романов бывает излишне назидателен в доказательствах и выводах. «Все умные, разумные – душевных бы ещё», – заканчивает он описание горожан, пресыщенных вином и сладостями вкупе с «кипениями эстрадными» («Печений горы целые...»). Отлично начатое стихотворение «Здравствуйте!» завершается лозунговым обращением к читателю: «Живите, люди, здравствуйте, / поменьше только хвастайте, / а крепче государствуйте!» Ораторский темперамент поэта, привычка всегда быть в огне споров нередко выливаются в прямолинейное в своей художественной ясности выражение эмоций. Однако в целом А.Романов шел собственным путем, при котором его поэзия шла к сердцу читателя и навсегда оставалась в лирической стихии времени.

Особой силой и верностью образов, вокруг которых концентрировалось творческое воображение А.Романова, отличаются включенные в книгу «Красные тучи» произведения, посвященные матери и отцу. Форма их различна: от воспоминаний лирического героя о раннем детстве («Материнское одеяло») до записи услышанных в вечерней тишине причитаний матери («Мать перед портретом отца»). Но каждое из стихотворений написано на таком высоком уровне исповедальной автобиографичности чувств, что голос взволнованной, встревоженной души поэта из явления индивидуального, личностного обретает общественное содержание.

Берет за сердце просьба немолодой женщины, которая обращается к фотографии погибшего на войне мужа с просьбой поговорить с ней («Ну, хоть словечко оброни»). С отчаянной надеждой на счастливое воскрешение мужа она просит его сходить с ней, намаявшейся за десятилетия вдовьего одиночества, в клуб, побывать «на людях, на виду», встретиться с сыновьями:

*Но ты молчишь, но ты молчишь...
Единственный в судьбе,
Порушь немую эту тишь.
Ведь я – жена тебе¹¹.*

Как это чувство непризнания факта гибели мужа и

отца знакомо каждому пережившему войну! Автор этой книги после войны еще долгие годы в каждом появлявшемся во дворе нашего двухэтажного барака фронтовике видел возвращавшегося с войны (убитого и похороненного согласно документу) отца, бросался с надеждой навстречу и только много позднее понял безвозвратность происшедшего, – и сразу на всю жизнь отяжелела горем душа.

Вот и герой стихотворения А.Романова «1941–1980» в тихий июньский вечер вспоминает, как сорок лет назад, в 1941-м, отец «в нас поглядел – а взгляд был горек, / всех обнял, вышел и ...исчез». С тех пор мало что изменилось в просторной, построенной отцом избе. Всё так же прочны сложенные из бревен стены. «Кукушка вещая» отбивает положенное время. На месте лежит узорный рушник. В этот миг прозрения лирическому герою более всего хочется, чтобы вошел в избу отец, и это желание настолько велико, что оно не может не сбыться:

*Хочу узреть и различаю,
Но смутно так, не до конца,
Уже не горем, а печалью
И тень, и свет, и лик отца¹².*

В каждом из ветеранов деревни лирический герой видит некий отблеск своего отца и говорит о них с нерастрченной в детстве сыновней любовью. Это может быть старая крестьянка из названной в её честь поэмы «Павла» или такого же возраста Авдотья из стихотворения «Совесть» – обе спешат помочь всем, кому трудно, и в меру сил нянчат и своих, и чужих внуков, творят добро. У таких людей «всеочищающая совесть, / как живая весть, горит в душе» («Сторожевой луч»). И когда в часы ночных раздумий поэт размышляет на эту тему, он из своей биографии, «из мглы ошибочных дорог, / из дел, которых не исполнил, / из слов, каких сказать не мог», извлекает для себя «тревожные», «обидные» выводы, от которых щемит душа. Это, понимает он, оттого, что «в глубине сознания – совесть, / как будто луч сторожевой».

Вся третья часть книги «Красные тучи», начинаемая стихотворением «Сторожевой луч», развивает тему совести и её места в обществе. На суд людей автор выкладывает всё, что вызывает «глухой и поздний», «щемящий» душу «луч сторожевой». Из «рваной памяти» вдруг выплывает случай в молодости, когда никому не сообщал, приберегая для себя, о найденном в бору свежем ягоднике, называемом в народе «кулигой». Но вот проходят годы, и постаревший герой решает показать деревенским ребятишкам кулигу, ведет в лес, но на месте брусничной поляны за эти годы уже вырос непроходимый кустар-

ник. «Как опажнула та брусника / жарком давнишнего стыда», – признается поэт («Кулиги»). В возрасте «после пятидесяти» поэту особенно больно признавать, что много времени (одиннадцать лет!) было потрачено на отвлекавшую от писательского стола общественную деятельность, на «сбивчивые речи», далекие от совестливых высказываний («С оглядкой шепот, в мыслях кривизна!»), на «торопливые наезды» для участия в различных писательских форумах, которые «мы обратить в пирушки норовим». Перешедшему определенный возрастной рубеж лирическому герою поэзии А.Романова «несуетливой хочется беседы, / неспешных мнений и разумных слов» («Когда тревожит окна дождь осенний...»).

Всё чаще под давлением «пласта прожитых лет» в поэзии А.Романова возникают размышления о вечном. Всегда энергичный, жизнерадостный, громко и уверенно отстаивающий свою позицию, А. Романов неожиданно для многих заявляет вслух, что «печали думать заставляют», что они даны нам, чтобы «души не мельчали / и чтобы разум не угас» («Печали»). Вид цветущей красной калины навевает ему воспоминания о смерти В.Шукшина, «растревожившего Русь»: «Не печально ли, калина? / У тебя не оттого ль / гроздь, холодом палимы, полыхают словно боль?...» («Калина»).

Честолюбие и слава, которые «томили с юности», теперь уже не в цене у героя стихотворения «Слава» – «усталого человека»: «Душа взметнулась и ослабла, / почуяв будничности гнёт». Он стал «терпеливей» относиться к людям, «к разным толкам-перетолкам, / к суматохе заводной, / к ссорам, долгим и недолгим, / даже к глупости самой». Теперь он «уходит восвояси» при встрече с «пустым честолюбием», понимая, что оно идет «от суеты жизни, от мелкости души». У повзрослевшего героя поэзии А.Романова стало «ровней сердцебиенье / и все горше привкус лет» («Я иду зеленым полднем...»).

Душевное состояние лирического героя понятно из стихотворения «Без отпуска всю жизнь и без простоя...». За плечами у поэта, чей образ полностью сливается с переживаниями его героя, долгая-долгая жизнь. Этот «усталый человек» десятилетиями, с деревенской юности, «найти спешил / под сложным и запутанным – простое, / родное – под наносным и чужим». Казалось бы, он достиг искомого, но когда оглядывается на пройденный путь, видит, как много было неверных решений, которые уже невозможно исправить: «Своей души не обмануть вовеки, / как не унять тоску и боль её». Душа поэта стала более утонченной, готовой воспринимать всё богатство «светотеней», которые «пронизывают наше существо».

И какие бы перепады давления не влияли на поэти-

ческое самочувствие А.Романова, главным источником вдохновения для него остается преданная любовь к отчему краю, нашедшая своё выражение в стихотворении «Родина»:

*Родина – одно на свете чудо.
Было так всегда и будет впрямь.
Лишь она и светит, и врачует,
Чтоб до смерти сердцем не скудеть*¹³.

С этой точки зрения утверждение славянофила А.Хомякова, что «художник не творит собственно своею силою: духовная сила народа творит в художнике»¹⁴ в полной степени относится и к А.Романову. Во всей целостности своих творений он всегда выступал как человек русский, никогда не подражавший чужеземным образцам, выражавший свободно и искренне идеалы красоты, таящейся в народной душе. И вместе с тем было бы ошибочно называть А.Романова прежде всего поэтом, выражающим национальную идею, и укорять его, что служение этой идее порой подменяло гармонию содержания и формы. Цельность его мироощущения строилась на даровитом раскрытии красоты и духовности русской нации, на художественной истинности «внутренней поэзии», что И.Киреевский считал необходимой особенностью «хорошего писателя»¹⁵.

Все эти особенности отличали очередную книгу А.Романова «Дни прозрения», вышедшую в столичном издательстве «Молодая гвардия» в 1985 году. Ко времени перестройки А.Романов всё более отдалялся от журналистики. Для него, как и для славянофила И.Киреевского, «журналистика» и «литература» стали вещами «несовокупными». Обоих, в разное время, стала отвращать журналистская «потребность судить», «когда литература становится глашатаем идей социальных, в ней возникает борьба «партий», впервые коллектив писателей, разных по степени таланта и взглядам, трудится в рамках одного направления, представляет собой «уже силу, организованную правильно»¹⁶.

«Дни прозрения» для автора значили больше, чем название книги. А.Романов стал ощущать чувство разочарования в типе сложившейся в обществе политической культуры, в характере господствующей идеологии. Он видел, что политические и экономические реформы КПСС не могут улучшить положение русского крестьянства. В своих литературных делах он продолжал наталкиваться на препятствия в осуществлении демократических свобод. Все чаще возникала мысль, что страна идет к хаосу и политической нестабильности:

– А мне-то что! – в сердцах я бросил. –
 Пускай творят, чего хотят!
 Не ставлю палки им в колеса,
 Лишь отвожу с презрением взгляд.
 Но в этот миг ожгло упреком,
 Как будто светом из-за штор.
 Ведь у меня творят под боком,
 Так почему же «мне-то что»?¹⁷

Погружение в одиночество сам поэт объяснял смертью многих друзей по писательскому цеху, чей уход из жизни оставил на душе «обугленный след»: «Нету Яшина, нет Рубцова / и Орлова меж нами нет» («Поэт»). Некому в нынешний тревожный для страны момент «выкатить из сердца слова», в которых бы «светила отрада», «тосковала совесть» («Яшин»). И тогда А.Романов сам берется за перо и пытается определить в стихотворении «Оттого скудеем быстро сердцем...» причину болезненных изменений в настроении современного ему общества. Здесь и «ленивая праздная мысль» толпы, желающей тихо существовать «в мире благодати», равнодушной к тем, «кому стало вдруг больно»; и «пустая тщета» бесцельного бытия, когда многим «ни к чему знать / летописи родины своей».

А.Романов не может оставить в стороне споры о застройке Вологды типовыми новостройками, отчего город потерял самобытный исторический облик и в восприятии коренных жителей стал неузнаваемым. В сердцах поэт напоминает, что «в неузнаваемости – серость / и разрушительный исход» («Неузнаваемость»). Он не проходит мимо судьбы протекающей через город реки, которая фактически умерщвлена производственными отходами и стала «мертвой» («Река»). Он поднимает тему захватившей многих зависти и определяет её причину «мелкотой» человеческой души («Что – зависть?»). Он борется с «проза-седавшимися» («Старею сердцем от собраний...») и с теми, кто «правды о себе страшится» («Речь»). Всё это уже не молодой поэт делает по давней уверенности, что даже в изменившихся условиях поэзия «к правде путь пробивает» («Встреча на улице»). Но с началом «перестройки» А.Романова всё чаще охватывает чувство, что он «чужой среди своих»:

Меж взглядов и чуждых, и наглых
 Распахнуто, весь на виду
 Иду, не печалюсь о благах,
 С достоинством русским иду.
 Мне трудно, мне горько – не скрою,
 Но совестью не поступлюсь.
 Не рвусь в показательные герои,
 А просто тревожусь за Русь¹⁸.

Обычно в таких случаях А.Романова от «горьких» размышлений о жизни отвлекала красота родной природы. «Наглядеться на неё, – писал он, – и целой жизни мало» («Родная местность»). Он любил радоваться весне, когда «клёны бродят, словно парни, / меж застенчивых берёз» («Майский лес галдит, кукует...»); снежной зиме с её выюгами, заметавшими избу до окон («Пилим снег»); осени с её прощальными криками улетающих на юг птиц («Взметнутся стаяй журавли с болота...»). Однако самым впечатляющим из этого перечня стало стихотворение «Погибали на моих глазах...» – о замерзших от холодов яблонях. За зиму они превратились в «черное, нелепое» нагромождение костенеющих сучьев; лишь один листок некоторое время еще «зеленел и трепыхался слабо, / но и он погас, как бы истек». Даже когда присевший на ветку воробей собрался привычно и радостно почирикать, он «что-то понял, смолк и оробел...». Сильная по своей эмоциональной достоверности картина гибели «древа жизни» потрясает до глубины души лирического героя («Что-то и во мне оконечено...») и навеивает ему сравнение погибших яблонь с происходящими в стране и мире событиями:

Кажется – уже на всей земле
 Мертвые качаются деревья.
 Не могу! Все силы изошли!
 Где моя душевная укрепа?¹⁹

Раньше, в молодости, одной из таких «укреп» была любовь к женщине, и поэма «Северяновна» (включенная в книгу «Дни прозрения») напоминала читателю о силе чувств, когда-то владевших лирическим героем поэзии А.Романова. Но с тех пор прошел не один десяток лет, и то импульсивное, страстное чувство, что соединило парня и девушку, не то чтобы угасло, а стало гореть ровно и спокойно. К этой ситуации лирический герой стихотворения «Годы» готовился заранее и надеялся, что минует переходной этап от зрелости к старости «без срывов и ошибок». Он уверял себя, что к тому времени будет «мудр, как старый лось», а сам с надеждой бросал взгляд на проходящих мимо молодых девушек и заставлял себя на греховной мысли, что «девичья стать, она всегда красива» («Враги опять о том же – о войне...»). Для мужчины оставался «тревожен и горяч девичий взгляд», а «весна стремилась сердце обмануть» («Вновь весна...»). И вот однажды, вернувшись домой «в поздний срок», лирический герой видит «горький свет» в глазах супруги, слезы... Он искренне винит себя («Видно, сбился я с пути / и любви не стою»), ждет прощения и какой-то ответной реакции («Что решишь – на всё готов, / всё приму – не споря...»), но женщина в

очередной раз уходит в «яростное молчанье» («Винуватый, в поздний срок...»).

Этот сюжет уже встречался в поэзии, и обычно вина в кризисе семейных отношений перекладывалась на мужчину или женщину. У А.Романова всё сложнее и поэтичнее. Его герой любил и продолжает любить женщину, не хочет уходить из семьи из-за случайной встречи с другой и хочет единственного – чтобы его поняли, чтобы «сквозь слезы горьких обид / с терпеливой надеждой женщина» («Ты куда улетила, девушка...») помогла «все крайности уравновесить / и пламенем соединить» («Одиночество»). Единственная надежда у лирического героя на прощение и на возвращение семейных отношений в прежнее русло – это возродить в женской душе воспоминания о первой встрече, когда на свидание с любимой он «по городу по Вологде / трескучею зимой / летел в полном холоде / в рубашке раздувной» («Меня, себя заденешь ли...»). Или как в листопад они гуляли вдвоём в лесу и листья сыпались на лицо любимой («Листопад»). Мужчина пытается напомнить женщине, что их связывает совместное преодоление многих трудностей («Заботы, да безденежье, / да дети на руках»), и неужели всё летит в пучину безвременья, «неужели по жизни трещина?» Он предлагает всё начать с начала, но на этот раз действовать «лишь с умом – не по наитью, / лишь с терпением – не рывком» и тогда «красной рыбиной удача / прямо в руки заплывет» («Неурядицы»). Цикл стихов на тему о «неурядицах» в семейной жизни двух попавших в непростую ситуацию любящих друг друга людей не имеет счастливого конца. Чем закончилась эта истинная драма чувств, А.Романов не сообщает, да это и не было его задачей. Он хотел – и это ему удалось – поведать о сложности человеческого бытия, об умении до седины извлекать уроки из жизни:

*От поколения к поколению,
Как знак, что жизнь всегда трудна,
Не только понизу – коренья,
Но поверху – и седина²⁰.*

А.Романов в своих стихах пишет о себе, воссоздает себя, и в этой степени его поэзия носит автобиографический характер. В стихах он фиксирует свою судьбу, переживания, как это делают и другие поэты. Но его стихи не являются дословной выпиской из личного дневника, как иногда думают читатели о поэтах. Если его лирический герой испытывает трудности в семейных отношениях, то это не значит, что поэт фиксирует свой жизненный опыт.

Но для А.Романова есть одна сфера человеческих чувств, которая касается его психологической, художественной позиции: писать только правду об отце

и матери, которые дали ему жизнь, открыли перед ним мир северной природы, помогли пройти по неровной дороге судьбы. Любовь к своим родителям у поэта бесконечна, и это высокое чувство рождает подлинные литературные ценности.

Таков и открывающий книгу «Дни прозрения» цикл стихотворений о матери, а точнее, о взаимоотношениях поседевшего сына с его старушкой матерью, коротающей свой век в деревенской избе. Каждый из них по-своему чувствует наступление той стадии жизни, когда человек вольно или невольно задумывается о неизбежности смерти, и эта мысль уже в ином свете заставляет взглянуть друг на друга самых близких людей. Сын при встрече с тревогой видит, что мать «сдала», что надо было приехать пораньше («Да что кривить – приехать можно было»), но мать ни в чем его не укоряет:

*«Ну, как твоё здоровье-то, сынок?...»
О тихое величье материнства!²¹*

У сына любовь к матери соединяется с чувством вины, что рано уехал из родительского дома. Та уже давно простила сына и, понимая, что встреча может быть последней, хочет продлить их общение и приглашает сходить за грибами:

*– Пойдем! – я улыбаюсь, и она,
Держась меня, бредет в раздолье просек.
И под платочком темным седина –
Как белый отблеск встреченных березок.
Щемит мне сердце близостью такой.
Мы с матерями странно отдаленны.
А тут она вот рядом, под рукой,
И на душе от листопада звоны.
Как торопливы, как слабы шажки!
Сбавляю шаг...
...Мать подожду. Она бредет ко мне,
И след её опять раздумьем выслан.
Ну а в корзинке на глубоком дне
Одни лишь листья, золотые листья...²²*

Даже сокращенный вариант стихотворения дает понять об истинном таланте А.Романова, с каким он возвеличивает материнскую любовь и утверждает такие нравственные качества крестьянской семьи, как удивительная скромность, сердечность и доброта в человеческих отношениях²³.

Такую же чуткость к диалогу двух душ, сына и матери, проявляет поэт в стихотворениях «С просьбой тихой и неловкой...» (как была выполнена просьба набить материнскую постель ржаной соломкой, за которой сыну пришлось идти за пять верст к единственной в округе скирде); «Запела мать... Да вправ-

ду ли запела?» (как мать порадовала сына песенкой, которую она пела ему в детстве). По мере приближения неизбежного отъезда сына лиризм его отношений с матерью обретает печальный оттенок, возможно, последнего их расставания. И уже «мать опять отдалена тишиною грустною» («Что бы мне еще узнать?»); по горько сдвинутым бровям можно понять, как тяжело у неё на душе («Не спится матери, все бродит...»). В добрых её глазах «непрощено поднимается слеза», и это терзает сына, готового «вспыхнуть, рассердиться, не удержаться от обид»:

*Но поглядишь – она, как птица,
Как птица слабая, сидит.
Одна сидит в своём гнездовье,
Где была буря, стынет тишь,
Одна сидит в платочке вдовьем,
И ты смолчишь²⁴.*

С годами А.Романов становится настоящим мастером лирической миниатюры. Личное видение автора организует всё повествование. Его восприятие бытия через индивидуальный опыт, воссоздание человека в эмоционально-нравственном измерении определяет диалектику чувств и поступков героев. Творческая установка А.Романова вбирает в себя нравственные ценности, проверенные народным опытом. Вот и диалог сына и матери через сложное взаимодействие мыслей и сердца завершается при расставании взаимным пониманием, что они неотъемлемы друг от друга. И уже не только в собственный адрес, но и ко всем обращается А.Романов, когда заканчивает стихотворение «Чу! В сенях материнские шаги...» строками:

*Пока легки у матери шаги,
Не дай споткнуться им. Береги!*

К середине 1980-х годов творчество А.Романова получило общероссийское признание критики и читателей. Он вошел в число тех, которых называли «поэтами от земли». Его имя было поставлено авторами «Краткого очерка истории русской советской литературы» (1984) в один ряд с Николаем Рубцовым, Владимиром Цыбиным, Егором Исаевым, Владимиром Фирсовым, Виктором Бочковым, Сергеем Викуловым: «Они мыслят и чувствуют глубоко по-современному, не избегают самых сложных проблем бытия, вскрывают недостатки и противоречия в обществе»²⁵.

Еще одним свидетельством признания заслуг А.Романова стал выход в свет в издательстве «Современник» тиражом 25000 экземпляров его книги «Русь уходит в нас» (М., 1987), куда вошли лучшие

произведения, написанные автором за несколько десятилетий творческой работы. В издательской аннотации справедливо говорилось о достоинствах поэтического почерка А.Романова: разговорных, даже просторечных интонациях, щедрой свежести красок, тяготению к характерам народным, напряженных поисках истинного и совестливого слова, зорком внимании к старине и к новизне жизни:

*Мне чего же искать, если родиной,
Стариной её, новизной,
Существо моё переполнено,
Будто небо голубизной.²⁶*

Содержание четырех разделов сборника построено таким образом, чтобы подчеркнуть утвержденную самой традицией русской поэзии связь с историческими судьбами нации. А.Романов с пристальным интересом исследует прошлое русского народа, берет из него всё лучшее, которое входит в современные социальные и духовные поиски в преображенном, проверенном жизненными реалиями виде.

В сборник вошли десятки стихотворений, рассказывающих о той системе гуманистических ценностей северной русской деревни, которая уже в детстве определила смысл жизни А.Романова, помогла формированию мировоззрения, эмоциональной сферы его жизни. Собранные воедино, эти разбросанные ранее по различным сборникам и журналам произведения дают ясное представление, что автор никогда не отгораживался забором «деревенской» темы от общенародной жизни, а наоборот, стремился проникнуть в её глубины. А.Романов писал о деревне как о неиссякаемом роднике народной жизни, «чтоб дышалось и чище, и легче // ради светлости дня» («Пятистенки, снегами зажаты...»). Деревня для поэта – хранительница исконных черт национального характера и поле наблюдений над изменениями в укладе жизни и сознании русского народа, происшедшими на протяжении XX века («Земля отцов и дедов, та земля...»).

Народность поэзии А.Романова складывается из таких элементов, как выражение народных стремлений и любви к русскому народу («Ах, Родина», – я тихо произнес...»), использование народных мотивов и творчества на основе принципов, близких поэтике фольклора («Раздалась гармонь – ах, боже!»), усвоение с детства образной выразительности русского языка («Разговор»).

В более широком смысле народность означала для А.Романова постановку проблем общенародного значения, освещение их в соответствии с интересами народа. Стихотворение «Народная речь» поэт начинает с описания восторга при встрече со

старожилами деревни, чьи речи «плетутся, / как наши кружева», кто помнит такие слова, в которых «мерцает дальних предков языческий огонь». А затем он высказывает сожаление, что школьная программа по русскому языку и литературе строится без акцента на богатстве народной речи, что школьники «говорят хоть грамотно, да хило», что клад самобытной русской речи «не видный глазу», забыт «в толкучке дней». Точно так же в стихотворении «Анна», посвященном истории родившей семейных детей русской женщины и воспоминаниям о довоенном детстве («В каждой избе у нас многолюдство...»), поэт не уходит от демографической проблемы современной ему России («Странное дело: богаче живем, / А малолетнее стала Россия»).

А.Романов на протяжении всего своего творческого пути стремился отражать настроения и стремления народа, и отсюда – демократичность формы его произведений, делающая их доступными широким читательским массам. Для А.Романова значимость поэзии определялась её влиянием на общественную жизнь. Будучи одним из «поэтов от земли», А.Романов всю творческую жизнь стремился к тому, чтобы литература стала для читателей учебником жизни, комплексом ценностей, делающих жизнь интересной и привлекательной, чтобы традиции перестали восприниматься как утраченный идеал и помогали определять истоки современности.

Сквозной темой многих стихотворений поэта является незримый диалог с ушедшими поколениями русских людей – с теми, кого тоже волновал «и хвойный запах, и шум ручья в вечерний час» и кто ушел с надеждой, что сыновья и внуки будут «помудрей и поскромней» относиться к природе, к наследию предков («Радуги дней»). Сюжет стихотворения «По-зёмка» построен на гипотезе о фантастическом смещении времени, которое позволило поэту встретиться в зимнюю ночь со своими предками. При свете навесной лучины его встречают в избе прадед Роман и другие родственники, «крепки и красивы в своей простоте». На эту же тему стихотворение «Имена становятся отчеством...», где проводится мысль о необходимости достойно нести полученные от рождения знаки родства: «Пусть достойно звучат – / мне хочется – / и в грядущие времена».

Русские крестьяне Севера всегда были в центре внимания А.Романова, хотя на его глазах уже начались потрясения в деревенском мире, приведшие к катастрофическим для судьбы русской северной деревни последствиям. Крестьянская культура России стала резко пополняться городскими ценностями, утрачивать свою историческую автономность. А.Романов не мог пройти мимо гуманистического аспекта этих изменений в их деревенской локализации,

поскольку речь шла о судьбе русской нации. Как и В.Белова, его тревожило, что стали безлюдными многие вологодские деревни. Известно, что по переписи 1959 года только на родине В.Белова, в Харовском районе, проживало 30,5 тысячи человек, а в 1982 году всего лишь 14,6 тысячи. С 1950 года ко времени «перестройки» в районе исчезло с лица земли около ста деревень²⁷. Такое же происходило по всему Северу. Власти под предлогом ликвидации «неперспективных» поселений повсюду отключали свет от дальних деревень, закрывали магазин и пекарню, объединяли медпункты, ликвидировали не только начальную школу, но и восьмилетку, а всех детей отправляли в школы-интернаты. Рушились без присмотра срубы древних домов, гумен, бань, сеновалов, амбаров, мельниц. Одиночество оставшихся в деревне жителей образно передано в стихотворении А.Романова «В середине веселого мая...»:

*Дом для гостя распахнут по-русски,
За столом можно многих вместить.
Только не с кем отведать закуски,
Только некого мне угостить (с.78).*

Эта же тема звучит в стихотворении «Ключи». Казалось бы, по-прежнему быт из-под земли родниковые ключи, словно ожидая тех, кто в «берестяный черпачок» плеснет холодной, чистой воды, но тропинка к ним заросла от безлюдья. Родниковых ключей в округе не убавилось, а вот избы поредел:

*В тоске своей склоняясь ниц,
С холмов – гнездовый древних –
Подобьем серых странных птиц
Крылами быют деревни.
Куда лететь? К какой меже?
На юг или на север?
Узорный облик их уже
Пространствами рассеян... (с.80)*

Для А.Романова обращение к истокам, к судьбе русской деревни столь же естественно, как необходимость возвращения поэзии первоначального значения как «деяния», формирующего общество и его культуру, участвующего в определении облика человека. Поэт старался как можно полнее понять и пережить историю русской деревни и с этой целью принимал на себя роль участника событий XX века, так, словно если бы оно было его «современностью». Выбор такой роли определил композицию поэм «Мать» и «Отец», завершавших книгу «Русь уходит в нас». Можно смело назвать эти две поэмы лучшими в творческой практике поэта по степени проникновения в национальное самосознание русского крестья-

нства, усвоения и понимания его социального опыта.

В поэме «Мать» красота и гармоничность художественного образа старой крестьянки, которая прожила свой век в деревне и вынуждена её оставить по причине болезни и немощи, соответствует правде жизни и её отображения в сочетании с совершенством формы самого произведения. Написанная от лица беспрдельно любящего мать сына, который всей душой понимает эмоции родного человека и разделяет её печаль расставания с родовым гнездом, поэма воспроизводит всю богатую гамму переживаний представителей двух крестьянских поколений, которым ничто человеческое не чуждо. В результате возникает значительно более сложный образ самосознания и идеологии крестьянства, чем это было в традиционной литературе социалистического реализма. Поэма далека от повествований о крестьянском мире, в котором разрушены ценности и утрачена цельность нравственной сферы его обитателей. Переселяющаяся в город мать не собирается подвергать сомнению прежнюю свою деревенскую жизнь. Вместе с сыном она сохраняет верность первичным, сформированным у «человека на земле» представлениям и мотивировкам.

Таков и герой поэмы А.Романова «Отец», выходец из крестьян, который «не менял ничего из вековых понятий» и, став учителем после окончания кратких курсов, «радел родному месту» и совмещал подготовку к школьным занятиям с работой на колхозных полях в пору созревания урожая. О его жизни и воинском подвиге рассказывает сын, для которого знание о войне является косвенным, основанным на чьих-то воспоминаниях. Но любовь к отцу у него столь велика, что всё связанное с погибшим на войне родителем, услышанное от родных и близких является неотъемлемым, эмоционально близким элементом его внутреннего мира. Поэтому он не может спокойно смотреть в прошлое, ибо там, в годы войны, после получения с фронта «похоронки» на отца в его душе остался комплекс траурно-печальных, трагических переживаний, продолжавший саднить жизнь взрослого человека послевоенной эпохи.

Рассказ обо всём, связанном с отцом, для лирического героя – это не только стремление осмыслить пережитый опыт, но и дать понять современнику об ужасе уничтожения и насилия войны, ломающей судьбы не только погибших в боях, но и оставшихся в тылу. Ведь многие из них, как и лирический герой поэмы, до конца жизни не могут простить себе, что так и не нашли место гибели родного человека и не могут на его могиле выплакать всю накопившуюся скорбь.

Сюжет поэмы строится вокруг поиска сыном места погребения своего отца. Эта «вечная»

для литературы модель ситуации придает теме мифологическое звучание, когда после долгого путешествия от одного адреса к другому сын оказывается в отошедших после войны к России землях Карельского перешейка опять не находит конкретного места захоронения родителя. «Перед скорбью этих мест» сын падает на колени и вопрошает в отчаянии: «Отец, ты слышишь ли меня?»

*Лишь сосны, как ответ земли,
С озерных косоогоров
Над головою пронесли,
Похоже, тихий говор.
И в нем – как слабый ветерок,
Далекий, вологодский:
«Что задержался-то, сынок?»
Провеял вздох отцовский»²⁸.*

Переживания войны воплощены в поэме «Отец» в новом для А.Романова стиле и поэтике, несущих на себе особую печать испытаний воевавшего народа. Написанное в форме лирического дневника, произведение приобретает более универсальный характер и выходит из тематического пласта биографического повествования, что позволяет автору через использование такой формы как «поток сознания» по-новому осмыслить пережитый опыт войны.

С радостью обнаруживая нравственную твердость в своих земляках, А.Романов никогда не забывает о неоплатной цене, которую русский народ заплатил в советский период. Солженицынский образ Красного Колеса возникает и в поэзии А.Романова:

*И вдруг кровавое пятно
В глаза мои метнулось.
Оно росло, росло, росло
В гуденье, крике, вое,
Кружилось, будто колесо
Кроваво-огневое.
И все красней, и всё больней,
Свет белый заливая,
По мне катилось, по земле
Вдаль без конца и края»²⁹.*

Это сравнение Красного Колеса у А.Солженицына и «кроваво-огненного колеса» в поэме А.Романова «Отец» впервые появилось на страницах журнала «Север», опубликовавшего в 1992 году (№ 3) статью «Для этой страны, где живешь...» автора данной книги. В ответ было получено письмо от А.Романова от 30 апреля 1992 года:

«Дорогой Юрий Иванович!

Спасибо за статью «Для этой страны, где жи-

вещь...». Признаюсь, Вы первый из критиков так точно и сокровенно выразили суть моей поэзии и, может, определили и место её в современном русском поэтическом потоке. Я удивился Вашей зоркости, обнаружившей в поэме «Отец» страшный образ кровавого Колеса, прокатившегося уже по трем нашим поколениям. По дедовскому, по отцовскому и по нашему, нынешнему. Я записал эти строфы о Колесе на берегах озера Ихинтала-ярви (ныне Петровского), где отец мой, старший лейтенант, возглавлявший первую штурмовую группу, 4 июня 1944 года погиб в атаке... Я стоял там – как на расстреле жестокой памятью и въявь увидел, как со скальной высоты, обжигая небо, испепеляя меня, катилось огромное Красное Колесо. От отца – ко мне. Я был потрясен этим видением на уже безлюдном озерном берегу. Видимо, неизбывная мера русского страдания никуда не исчезла, а скопилась, спрессовалась, раскалилась в Красную Тучу, обжигая нашу память и пугая воображение. Что минуло – всё с нами...»³⁰

Судя по книге «Русь уходит в нас», для А.Романова наступило благоприятное время «собираения камней», когда после накапливания в своих сочинениях примет быстро идущего времени – не только «личного», «своего», но и многих своих современников, имя поэта «становится живым отсветом времени, уже нестареющего никогда»³¹. Однако время подведения «предварительных итогов» совпало для готовившего встретить своё шестидесятилетие А.Романова с эпохой перестройки. Давно мечтал поэт об «истинной государственности», когда, по его словам, «каждый человек мог бы сказать: «Я свободен в своем труде и в своих мыслях, так как знаю, что мой труд и мои мысли необходимы Родине». «Но, – продолжал А.Романов эту тираду, – трудно в России быть русским поэтом. Если в тебе много родного, отечественного, народного, то ты в глазах пугливых ревнителей порядка уже опасен своей национальной самобытностью»³².

На самом излете советской государственности А.Романов успел издать в издательстве «Современник» тиражом 10 тысяч экземпляров «Избранное»³³, и эта книга стала последней, которая была при его жизни опубликована в столице. Наступили иные времена, когда начал преобладать субъективный подход к сфере социальной проблематики крестьянства и писателям-деревенщикам коммерческие издательства стали отказывать в публикации их книг под предлогом исчерпанности такой тематики. И хотя А.Романову оставалось жить еще девять лет, «Избранное»

стало по-настоящему его прощальной «лебединой песней»³⁴.

Включенные в «Избранное» стихи и поэмы выстроены по хронологическому принципу (первое стихотворение «Кругом вода сильна, нетороплива...» датировано 1954 годом, последнее «Прощание с матерью» – 1986 годом), что позволяет говорить о неизменности позиции поэта в защиту ценностей пережитого им и осмысленного исторического опыта русского крестьянства, в защиту утраченной многими «родовой памяти».

А.Романов жил и дышал Россией двадцатого века. Для него воплощением «русской души» была мать Александра Ивановна, которая, по его словам, «никогда не кричала: «Я – русская!», а жила воистину по-русски, т.е. держась обычаев старинного и широкого родства, гостеприимства и христианского поминовения»³⁵.

Когда поэт шел по дорогам народных событий, в его душе звучала и материнская молитва, «не давали покоя её шепоты, её всенощные поклоны перед иконами в нашей петряевской избе...»³⁶ Как реквием звучит стихотворение «Прощание с матерью» (1986), в которое поэт вложил всю свою сыновнюю скорбь по утрате дорогого ему человека. Это произведение словно вылилось в одно мгновение из души потрясенного смертью матери поэта. Образ матери для него всегда был олицетворением русской нации, России:

*Она в душе своей несла
И строгость дедовских заветов,
И древний смысл добра и зла.
Своей и радостью, и грустью,
И глубиной семейных уз
Она сближала с новой Русью
И ту, в далеких звонах, Русь (с.503).*

Когда А.Романов вновь и вновь возвращался к судьбам народным, им владело желание напомнить людям о национальных корнях: «Ведь если я не вспомню и не запишу то, что случилось у нас или с нами, или что думалось мне об этих случаях, вообще о минувшем времени, о тех дорогих людях и делах, характерах и судьбах, то кто же за меня всё это может сделать?»³⁷ Для А.Романова с юности поэзия была не только отображением реального жизненного опыта «человека на земле», но и была связана с определенной этикой, видением жизни, иерархией ценностей, определявших смысл жизни крестьянского общества. Эти гуманистические ценности русского крестьянства для автора и его героев были вкладом всех поколений и помогали определить жизнь человека как гармоническое

развитие личности в разных сферах деятельности.

С самого начала своей творческой деятельности А.Романов выступал против элитарности литературы, снобистских вкусов и идеалов столичной поэтической «тусовки» и чутко прислушивался к художественным, духовным запросам своих читателей из «глубинки» русской провинции. Он творил для тех, кто понимал патриотическую направленность его поэзии, кто говорил с ним на одном языке, обладал чувством гражданской ответственности. Связь с читателями, с народом была для поэта стимулом для соединения современных поэтических форм и средств выражения авторских чувств с исследованием актуальной гражданской проблематики. «Любой взгляд на русскую жизнь, если он глубок и озабочен, – писал А.Романов, – важен для раздумья и деятельного порыва. Любое суждение о русской жизни, если оно правдиво и сострадательно, необходимо нашему будущему»³⁸.

Большая часть творческой жизни А.Романова протекала в той литературной среде, когда книги еще не стали товаром, дорогой продукцией для разного рода избранных. Национальное служение русской поэзии предохранило её в советский период от тесной связи с индустрией развлечений, от превращения в средство «убивать время», отдыхая после работы. Настоящие художники слова и в условиях «принуждения социалистическим реализмом» стремились служить нации, интересам народных масс. Они не изменили своим патриотическим убеждениям и в лихие 1990-е, когда в стране временно восторжествовали разрушительные силы.

«Может, Россия и существует только в неистовой нашей любви к ней? – писал в дневнике А.Романов. – Может, наша верность и любовь ко всему родному и есть сама Русь, Россия? Ведь нельзя же не признать, если взглянуть строго, что той Руси, которая существовала исторически, ныне уже нет, как ни желай и как ни жалея, нету... А может, она всё же есть и ныне такая, какой была, только нами пока не увиденная: устали наши глаза, оглохли наши уши, очерствели сердца. Потому и не зрим её...»³⁹

«Русского жителя человек», А.Романов до самой смерти в 1999 году верил, что «истинная поэзия и проза, рождаемая ныне в годы страшных разрывов, является ныне и явится в будущем как единственная самозащита русского достоинства. И как осмысленная по-народному Правда российской трагедии»⁴⁰.

С этой уверенностью он многие годы входил в состав редколлегии журнала «Север» и был частым гостем в Петрозаводске, пока не пошатнулось его здоровье. «Теперь уж мне в Петрозаводске не бывать, – писал он автору этой книги 3 апреля 1998

года. – А как я любил прилетать в него, обниматься с друзьями из журнала «Север»! Передайте мой дружеский привет редколлегии этого дорогого, памятного на всю жизнь журнала»⁴¹.

А.Романов был похоронен рядом с могилой матери на сельском кладбище в семи верстах от родной деревни. Творчество поэта востребовано и в XXI веке: в Вологде опубликованы книги: «Сторожевой луч» (2000), «Последнее счастье» (2003), «Ради светлого дня» (2010). На протяжении более 15 лет на родине поэта в Сокольском районе проводятся «Романовские чтения».

В глазах читающей России А.Романов принадлежит к числу поэтов, наделенных чувством кровной связи с отечественной историей, великой любовью к русской земле, культуре, традициям. При чтении стихов А.Романова сердце согревает волна нежности и сострадания к судьбе русского народа; гордости за русских людей, удержавших позиции добра вопреки всем катаклизмам. Прекрасен просторный дом Отчизны, который выстраивает А.Романов в стихах и поэмах: в нём свободно и легко дышится чарующей искренностью русского слова, красотой народного сказа; из окон его открывается неповторимый вид на синие реки и зеленые просторы Севера; дом этот населяют добрые и совестливые люди, бережно хранящие историческую память. Поэзия А.Романова пронизана ощущением неистребимости будущего, уверенности, что русская нация сохранила силы для поворота к доброму и лучшему в своей судьбе. Сердце поэта всё время подпитывалось земной энергией крестьянства («Я с малых лет к деревне любовь свою несу»), билось в унисон с совестливым сердцем народа («А человек – ведь это совесть»).

Примечания

¹ Романов А. Искры памяти. Вологда, 1995. С. 14.

² Цитируется по кн.: Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы... С.81.

³ Романов А. Искры памяти... С.202.

⁴ Романов А. Чтоб стать собою. Стихи. Архангельск, 1981. С. 103.

⁵ Романов А. Избранное. М., 1990.

⁶ А.Дж. Тойнби. Постигание истории. 1934–1961. Фрагменты из книги. Перевод с английского Е.Д.Жарковой // Общественная мысль за рубежом. Кн. обозрение М., 1991. № 5, май. С.88-89.

⁷ Цитируется по: Колышкина Н. Вступительное слово к публикации фрагментов из книги А.Дж.Тойнби // Общественная мысль за рубежом. Книжное обозрение. 1991, №5, с.83. Перевод с английского Е.Д.Жарковой.

⁸ Романов А. Копылово // Романов А. Красные тучи... С.6.

⁹ А. Дж. Тойнби. Постигание истории. Цитируемый выше источник. С.89.

¹⁰ Романов А.. И было то, и это было... // Романов А. Красные тучи... С.41.

¹¹ Романов А. Мать перед портретом отца // Романов А. Красные тучи... С.37.

¹² Там же. С.36.

¹³ Романов А. Красные тучи... С.69.

¹⁴ Цитируется по: Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы... С.92.

¹⁵ Там же. С.79.

¹⁶ Там же. С.150–151. Эта картина «борьбы партий» была предвосхищена И.Киреевским еще до революции.

¹⁷ Романов А. «А мне-то что! – в сердцах я бросил...» // Романов А. Дни прозрения. Стихи, поэмы. М., 1985. С.47.

¹⁸ Романов А. «Меж взглядов и чуждых, и наглых...» // Там же. С.50.

¹⁹ Там же. С.20.

²⁰ Романов А. «От поколенья к поколению...» // Там же. С.48.

²¹ Романов А. «Взглянул на мать тревожно: как сдала!» // Там же. С.5.

²² «По рыжки не выбраться ли нам?» // Там же. С.6.

²³ Этот сюжет напомнил автору книги хождение по грибы в лес по приглашению 80-летней матери, жившей в её родной деревне Мятусово, – всё было так, как написал А.Романов, один к одному.

²⁴ Романов А. Не спится матери, все бродит... // Там же. С.12.

²⁵ Краткий очерк истории русской советской литературы. 1917–1980. Отв. редактор В.А.Ковалев. Л., 1984. С.301.

²⁶ Романов А. Север // Романов. Русь уходит в нас. Стихотворения и поэмы. М., 1987. С.25. Дальнейшие ссылки на это издание без указания страниц.

²⁷ Цифры по Харовскому району Вологодской области приведены в книге: В.Белов. Раздумья на Родине. М., 1989. С.109.

²⁸ Романов А. Отец. Поэма. // Романов А. Русь уходит в нас... С.309.

²⁹ Там же. С.312–313.

³⁰ Письмо А.А.Романова – Ю.И.Дюжеву от 30 апреля 1992 г. // Личный фонд Ю.И.Дюжева в Национальном архиве Республики Карелия. Ф.Р-3721, оп.1, д.83, л.2.

³¹ Романов А. Искры памяти. Вологда, 1995. С.142.

³² Там же. С.145.

³³ Эту книгу 18 февраля 1991 г. А.Романов подарил автору этой статьи с автографом: «Дорогому Юрию Ивановичу Дюжеву на добрую память о наших встречах, дружески».

³⁴ В1996 году благодаря финансовой помощи администрации Вологды (к 850-летию юбилею города) была издана в бумажном переплете книга стихотворений и поэмы «Вологда моя светловолосая» (3,5 а.л.), составленная из ранее опубликованных произведений А.Романова.

³⁵ Романов А. Мысли и наблюдения // Романов А. Искры памяти... С.260.

³⁶ Там же. С.261.

³⁷ Там же. С.261.

³⁸ Там же. С.299.

³⁹ Романов А. Мысли и наблюдения // Романов А. Искры памяти... С.281.

⁴⁰ Там же. С.256.

⁴¹ Письмо А.А.Романова – Ю.И.Дюжеву от 3 апреля 1998 г. // Личный фонд Ю.И.Дюжева в Национальном архиве Республики Карелия, Ф. Р-3721, оп.1, д.83.

Юрий Иванович ДЮЖЕВ –

*литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжев были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009),
лауреат премии журнала «Север» (2016).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

